

МРНТИ 03.03.20

<https://doi.org/10.26577/JH.2022.v106.i3.025>**А.И. Дуйсебаева**

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: a.duisebayevaaa@gmail.com

ИМПЕРСКАЯ ВЕТЕРИНАРИЯ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ РИТОРИКА «ЗАБОТЫ»: МЕРОПРИЯТИЯ ПО ВНЕДРЕНИЮ НОВЫХ УЛУЧШЕННЫХ ПОРОД СКОТА В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

В статье анализируется влияние интервенционных механизмов Российской империи на казахскую традиционную систему скотоводства, в частности, на развитие коневодства и скотоводства. Отношение центральной власти к уходу и содержанию скота в казахской степи определялось как ненадежная и неустойчивая система. Это характеризуется недооценкой действительно сложного и уникального характера казахского скотоводства. Несмотря на природно-климатические условия казахской степи, центральное правительство пыталось спасти общее хозяйство от стихийных бедствий, решая проблему покоса и сенокоса; также, несмотря на способность жить в суровом климате степи и особенности казахов обеспечивать собственные потребности и производить прочное потомство, они сосредоточили свое внимание на улучшении крупного рогатого скота путем скрещивания его с другими породами. Царская администрация считала эту терпимость излишней. Он предложил альтернативный путь развития скотоводства, разведение тяжеловесного скота, в свою очередь кавалерии нужны были высокие лошади для верховой езды. С этой точки зрения риторика улучшения животноводства была своего рода оправданием царского правления в казахской степи, возникшего из экономической необходимости.

Ключевые слова: ветеринарная служба, коневодство, крупный рогатый скот, конезаводы, племенной рассадник, Тургайская область.

A. Duisebayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
e-mail: a.duisebayevaaa@gmail.com

Tsarist Veterinary Medicine as State Rhetoric of «Care»: Measures to Introduce New Improved Breeds of Livestock in the Kazakh Steppe

The article analyzes the influence of the mechanisms of intervention of the Russian Empire in the system of traditional animal husbandry of the Kazakhs, an industry such as horse breeding, and the development of cattle. The attitude of the center to the maintenance of livestock in the steppe was defined as a shaky, unstable system of economy, which was characterized by underestimating the genuinely complex and specific nature of the type of economy. The center tried in every possible way to save the primitive economy from natural disasters, by solving the issue of haymaking and paddocks, regardless of the natural and climatic conditions of the steppe itself, improving livestock, through crossing with other breeds, also not providing for the ability to live in a harsh climate and the needs of the Kazakhs themselves hoping to get hardy offspring. In turn, the tsarist administration saw no need for this endurance. They were offering the latter an alternative way of development, in heavy-drawn type producers, first of all, as pack animals, while the cavalry needed tall, graceful in shape, riding horses. In this sense, the rhetoric of improving pastoralism was a justification for imperial rule in the steppe, covered by economic access.

Key words: veterinary service, horse breeding, cattle, stud farms, breeding nursery, Turgai region.

А.И. Дуйсебаева

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
e-mail: a.duisebayevaaa@gmail.com

**Империялық ветеринарлық «қамқорлық» риторикасы ретінде:
қазақ даласындағы малдың жаңа жақсартылған
тұқымдарын енгізу шаралары**

Мақалада Ресей империясының қазақтардың дәстүрлі мал шаруашылығы жүйесіне, атап айтқанда, жылқы шаруашылығы мен ірі қара мал шаруашылығының дамуына араласу механизмдерінің ықпалы талданады. Орталық биліктің қазақ даласындағы мал басын күту мен ұстауға қатынасы сенімсіз, тұрақсыз жүйе ретінде айқындалды. Бұл қазақтың мал шаруашылығының шын мәніндегі күрделі және ерекше сипатын жете бағаламаумен сипатталады. Орталық билік қазақ даласының табиғи-климаттық жағдайына қарамастан, шөп шабу мен шабындық мәселесін шешу арқылы қарапайым шаруашылықты табиғи апаттардан құтқаруға жан-жақты тырысты; сондай-ақ, даланың қатал климатта өмір сүру мүмкіндігіне және қазақтың өз қажеттіліктерін қамтамасыз ету, төзімді ұрпақ алу ерекшеліктеріне қарамастан, мал басын басқа тұқымдармен шағылыстыру арқылы жақсартуға ден қойды. Патша әкімшілігі бұл төзімділіктің қажеті жоқ деп санады. Мал шаруашылығы дамуының баламалы жолын, ауыр жүк тартатын жегін малды өсіруді ұсынды, өз кезегінде атты әскерге биік бойлы, салт мінетін жылқылар қажет болды. Осы тұрғыдан алғанда, мал шаруашылығын жақсарту риторикасы экономикалық қажеттіліктен туындаған, қазақ даласындағы империялық басқаруды ақтаудың бір түрі болды.

Түйін сөздер: ветеринариялық қызмет, жылқы шаруашылығы, ірі қара мал, жылқы зауыттары, асыл тұқымды өсіретін шаруашылық, Торғай облысы.

Введение

Д.С. Мехос и С.М. Мун (2011: 43), следуя Г. Хехту, определяют важность разработки и внедрения новых технологий для любой сферы жизнедеятельности, зачастую опосредованных властными отношениями, так как эти же практики разработок и технологии были использованы для достижения и осуществления политических целей. Чаще это было связано с тем, что именно *правительство в сочетании с экспертными знаниями были в ответе за разработки новых способов управления. В этом смысле, имперскому правлению в степи хотелось, чтобы кочевые скотоводы* использовали новейшие производственные методы и технологии для эксплуатации степи, превратив ее в структурное животноводство. Их планы требовали наличие обширных территорий, а также новых учреждений, таких как экспериментальные фермы, лаборатории и сельскохозяйственные школы. Им также требовалась «человеческая инфраструктура», которая могла бы помочь развиваться в ходе «колониального столкновения в степи» (Seitz, 2019: 3), несогласия или безучастия.

Новое правление стремилось раскрыть механизмы воздействия на окружающую среду в связи с беспокойством о благополучии, неблагоприятных атмосферных, климатических и почвенных условиях, и возможности менее губительного влияния на строй отрасли казахского

скотоводства. При этом стало принято упрекать кочевое хозяйство в «косности, лени и беспечности», и в том, что «ведут свое животноводческое хозяйство примитивно, не вкладывая труда и не проявляя заботы об его улучшении» (Бенькевич, 1918: 9). Поэтому царской администрацией был рассмотрен еще один аспект ветеринарной службы, как улучшение породы скота, который проводился под маской заботы.

Материалы и методы

Источниковую базу статьи представляет комплекс материалов статистических и исследовательских экспедиций второй половины XIX века, ряд научных трудов государственных служащих составляют особенную категорию источников, изданных действующими ветеринарами в степи.

А.И. Добросмысловым, заведующим ветеринарной части Тургайской области с 1891 по 1901 гг., по поручению Тургайского Областного Статистического Комитета была подготовлена работа о «Скотоводстве в Тургайской области» и выпущена в 1895 году. В этом труде собрана большая коллекция сведений о скотоводстве казахов Тургайской области, каждое хозяйство рассмотрено отдельно по направлениям: овцеводство, коневодство, верблюдоводство, крупный рогатый скот и козоводство. Одним из крупных письменных источников являются «Материалы по киргизскому (казахскому) зем-

лепользованию» (в дальнейшем «Материалы»), которые представляют исследования статистических и исследовательских экспедиций, проведенных под руководством Ф.А. Щербины с 1896 по 1903 гг. «Материалы» экспедиции, в первую очередь, – это письменный источник, который дает ценную информацию о географическом расположении, хозяйстве и социально-экономическом положении казахов. Также в эту категорию входят Обзоры губерний и областей Российской империи (приложения к Всеподданнейшим отчетам губернаторов), комплексный источник по истории регионов. Комитетом министров был высказан ряд критических замечаний относительно структуры и содержания этих документов. Критика была направлена на то, что отчеты бывают основаны на сведениях, «собранных спешно и по различным программам, а потому недостаточно достоверные и мало сравнимые между собою» (Раздоров, 2015: 44). Об этом неоднократно отмечали современные исследователи. Н.П. Дятлова (1964: 241) считала, что главным недостатком всеподданнейших отчетов была неточность статистических сведений. Однозначно, что в материалах «Обзоров» существуют некоторые упущения и отсутствует детализация происшествий, которой присущи структурность и однородность сведений. Однако, именно эта структурность дает возможность взглянуть на общую картину формирования ветеринарной службы в области. Также по признаку этой структурности и регулярности отчетов можно проследить за развитием ветеринарного дела по ходу его изменений от привычных ему сведений.

Методологической основой статьи является концепция М. Фуко «разумное управление, в основе которого лежал государственный интерес» – *governmentality* (Безопасность, 2011: 314). То есть, введение новых методов, практик, механизмов и технологии управления, где колониальная администрация использует риторику заботы и пытается обезопасить от возникновения нежелательных последствий, тем самым пытаясь регулировать с помощью разных манипуляций.

Обзор литературы

В советской историографии выведение новых пород скота рассматривалось как комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности скотоводства (Витт, 1952; Кожевников и Гуревич, 1990). В современный период в западной историографии оно исследуется в

аспекте колониального завоевания, эксплуатации степных лошадей русскими. К. Феррет (2009: 211) видела в этом возможность использования «среднеазиатских» лошадей в имперской армии, аргументируя последнее обсуждениями в специализированной русской печати (военных и коневодческих журналах), исходя из надежды на то, что завоеванные территории можно будет использовать с пользой для своей кавалерии. Также здесь имеют место оценочные суждения о качестве местных пород, их возможном улучшении, а также об особенностях местной верховой езды. Частично с этим сходится мнение и Ш. МакДэниела (2019), что российские власти стали рассматривать казахскую степь как потенциально безграничный источник лошадей для своих военных, сельскохозяйственных и даже промышленных секторов.

Ветеринарная работа была одним из самых ранних видов сельскохозяйственной науки и агрономии в степи, играющим ключевую роль как в преобразовании степи, так и ее жителей. И то, как эти силы и идеи были задействованы, согласованы и созданы, представляло собой технополитическую структуру (Seitz, 2019: 141). Но Дж. Сайтс считает (2019: 2), что имперские чиновники изменили свою тактику, и вместо того, чтобы фокусировать местных казахов на эту новую агрономическую инфраструктуру, империя в значительной степени обратила свое внимание на поддержку крестьянских переселенцев. Он стремится в своих работах подчеркнуть, как поселенческий колониализм повлиял на представления об окружающей среде и природе науки, которая практикуется. Автор закрепляет свои доводы утверждением П. Вульфа, что в колониализме поселенцев «вторжение – это структура, а не событие» (Seitz, 2019: 262). В случае поселенческого колониализма в казахской степи частью структур вторжения, по его мнению, были физические (инфра) структуры, такие как железные дороги и колодцы. Другая часть была интеллектуальной и научной, как методы выращивания сорта сельскохозяйственных культур и домашнего скота. Все они были частью (и также предназначались для поддержки) человеческой инфраструктуры вторжения, то есть настоящих крестьянских переселенцев и их потомков (Seitz, 2019: 262).

Результаты и обсуждение

Чиновники пытались создать идеальный скот и идеальное коневодческое хозяйство для

своего видения степи так, как они хотели. С целью улучшения домашнего скота они решили добавить «лучшие» гены в степной скот (Seitz, 2019: 134), то есть трансформировать их потомство в нужном направлении. Однако принципиальные различия между оседлыми и кочевыми формами жизни придают совершенно иную ценность этому процессу. Вся аргументация царского правления была направлена на недостаток «качественных» характеристик.

Разное понимание и отношение к самой культуре скотоводства и ее главному атрибуту, как скот, представляет главное отличие между мировосприятиями разных обществ. В более строгую оценку, на основании каких-нибудь экспертных данных, которые бы говорили им, например, о силе, красоте, скорости бега, большей способности к работе и так далее, и казахи не были заняты тем, чтобы видеть в своих животных какие-нибудь другие качества, кроме большой способности противостоять всем зимним невзгодам (Добросмыслов, 1895: 94; Джантюрин, 1883: 23). Малорослая в вышину, казахская лошадь не была так мелка по частям: с крепкой, короткой спиной и с несколько свислыми сильными мускулистым и умеренно длинным крестцом; хорошо сложенный корпус опирался на короткие, твердые, костяные ноги; и на такие же короткие, с крепкими надкопытными суставами и круглыми, также крепкие копыта (Добросмыслов, 1895: 82).

К примеру, количество угодий, потребных для содержания коневодства в Тургайской области, не везде было одинаково, важно было иметь возможности приспособления к окружающей среде. Тургайская область в числе других Степных областей представляла из себя громадную равнину. Степь монотонную, но в высшей степени своеобразную. Как было упомянуто ранее, равнину Тургайской области было принято делить на два больших района: северный и южный. Вся площадь первой части была пригодна для земледелия и изобиловала прекрасными пастбищами, служила как летом, так и зимой лучшим подножным кормом степных домашних животных, в особенности для лошади, во всякое время года (Щербина, 1903: 94). Северные уезды – Актюбинский и Кустанайский – имели прекрасные пастбища и хорошие водопой, но несмотря на это, порой в зимнее время лошадям приходилось разбивать своими крепкими копытами ледяную кору для добывания трав; напротив, в Иргизском и Тургайском уездах казахская степь представляла из себя маловодные, безлесные, летом не-

померно знойные, а зимой холодные пустыни, покрывающиеся крайне скудную растительностью и чередующиеся на своих громадных пространствах сыпучими песками, или с лишенными всякой растительности солончаковыми равнинами, в силу чего казахи для пропитания своих табунов лошадей и стад других животных должны были бродить с последними с места на место и проходить, таким образом, весьма большие пространства. По мнению А. Джантюрина (1883: 15), нигде коневодство не находится в такой сильной зависимости от природных условий, как в казахских степях. Поэтому казахи при выборе производителей главным образом обращали внимание на крепкое сложение, ширину, плотность и силу жеребца (Джантюрин, 1883: 23) в надежде получить выносливое потомство.

Царская администрация не видела нужды в этой выносливости. Предлагая последнему альтернативный путь развития. Крестьянские переселенцы нуждались в производителях тяжеловозного типа, в первую очередь, в качестве вьючных животных (Обзор, 1910: 90), в то время как кавалерия нуждалась в высоких, изящных по форме, верховых лошадях (Ferret, 2009: 217). Забегая вперед, можно представить одно из заключений из Кустанайской конюшни, представленное К. Феррет о процессе улучшения казахской лошади, где специалистами были подобраны кобылы до четырехлетнего возраста, которых не доили, пасли круглогодично и давали подкормку в несезон; жеребят отлучали от груди в октябре, затем кормили и размещали на зиму. «Таким образом мы надеялись увеличить размер и исправить некоторые дефекты: доработать голову, удлинить шею, конечности и улучшить баланс. Рисунок улучшился, но размер увеличился недостаточно, чтобы его можно было использовать в кавалерии» (Ferret, 2009: 232). Этим примером К. Феррет показала направленность одной из возможных целей иметь конезаводы.

В этом смысле, риторика улучшения скотоводства была неким оправданием имперского правления в степи, прикрытым экономическим доступом. В процессе этого регулирования, имевшего место в казенных организациях, дисциплинированное население стало экономически прибыльным, дисциплинированное животное – прибыточным животным.

Первый опыт в постановке мер по улучшению казахского скотоводства был связан с открытием сразу трех степных государственных заводских конюшней в 1886, 1887 и 1888 годах: Оренбургской, Тургайская и Кустанайской, для

поднятия казахского коневодства. Первым строителем всех трех конюшен и организатором дела был ветеринарный врач В.М. Фрейфельдт, занимавший должность управляющего и старшего ветеринара сначала в Оренбургской конюшне, затем в Тургайской и, наконец, в Кустанайской (Добросмыслов, 1897: 90).

Некоторые сведения о судьбах первых степных заводских конюшней можно найти в главном труде А.И. Добросмылова, о скотоводстве в Тургайской области. Сам ветеринар отмечает о неудовлетворительной работе всех трех конюшен. Дело в том, что улучшения казахской лошади за определенный период исследования области, при значительных затратах как со стороны казахов, уступивших значительные земельные участки под конюшни государственного коннозаводства, так и со стороны ассигнований сумм из государственного казначейства до 120 000 рублей в год, не дали сколько-нибудь ощутительных результатов. И не достигли, по-видимому, тех «благих целей», которые имелись в виду при учреждении конюшен в Тургайской области. По его мнению, в самом деле нельзя считать удовлетворительным результатом покрытие заводскими жеребцами в течение 8 лет 12 000-13000 казахских маток, из которых, по мнению же коннозаводских чинов, заинтересованных в показании в своих отчетах крупных цифр, не более половины дало приплод, а из этой второй половины также по меньшей мере половина пала в зиму 1891-1892 гг. от недостатка корма и других неблагоприятных условий. Следовательно, в результате мы имеем «улучшенного» потомства казахских лошадей только до 3000 голов. «И вряд ли и такое количество имелось к 1893 году, так как казахи пока еще не особенно доверяют выносливости улучшенного потомства лошади и стремятся при первом представившемся случае более или менее выгодно сбывать их» (Добросмыслов, 1895: 165).

Тургайская конюшня находилась в 7-ми верстах от г. Орска, Оренбургской губернии, в районе Арал-Тюбинской волости Актюбинского уезда. Под конюшню было уступлено казахами земли около 25 тысяч десятин. Стоимость постройки и ремонта зданий с 1886 года по 1-е января 1895 года составила до 67 859 рублей. Жеребцами этой конюшни было покрыто казахских маток: в 1887 году – 523 головы, в 1888 – 779, в 1889 – 579, в 1890 – 660, в 1891 – 1029, в 1892 – 433, в 1893 – 570 и в 1894 – 945, а всего в течение восьми лет – 5518 (Добросмыслов, 1895: 160).

В первые два-три года случка исключительно производилась в косяках на случном пункте при конюшне. Порядок привлечения казахов в указанное время к приводу маток на случной пункт практиковался обыкновенно такой: еще зимой (в январе или феврале) управляющий конюшней просил военного губернатора области побудить уездных начальников сделать распоряжение о приводе казахами в мае достаточного количества годных кобылиц для случки. От начальника области шли предписания уездным начальникам, а от этих последних в свою очередь волостным управителям. Волостные управители, боясь ответственности за ослушание, набирали кобылиц по волости без разбора, и отправляли их для случки на конюшню. Тут можно было найти и очень молодых, еще неспособных к случке, разного рода калек, а чаще всего уже жеребых. И из общего количества приводимых казахами маток становилось жеребыми от заводских жеребцов не более 5%. Это явно было видно из одной из скотских выставок казахских лошадей от 31 мая 1889 года при Тургайской конюшне, где из массы приведенных лошадей (до 3000) только несколько (менее 10 голов) было приведено годовалых жеребчиков и кобылок, рожденных от казахских кобылиц и заводских производителей. В следующие затем годы порядок случки заводских жеребцов с казахскими кобылами был принят иной: заводские жеребцы отдавались казахам в аулы, где они ходили с матками в косяках (Добросмыслов, 1895: 161). При этом, вторым, способе косячной случки, по отзыву бывшего управляющего Тургайской заводской конюшни Ревякина, число кобыл, бывших в случке с заводскими жеребцами, оплодотворилось и дало плод до 50% кобыл.

Кустанайская конюшня находилась в 4-х верстах от г. Кустанай, в районе Аракарагайской волости Кустанайского уезда. Под конюшню казахами было уступлено около 30 тысяч десятин земли. Стоимость постройки и ремонт зданий составила с 1888 года по 1 января 1895 года в 77 270 рублей. Жеребцами этой конюшни было покрыто казахских маток: в 1889 году – 834 головы, в 1890 – 1162, в 1891 – 1229, в 1892 – 1038, в 1893 – 1272 и в 1894 – 1972, а всего в течение шести лет – 7507 (Добросмыслов, 1895: 162).

Последняя Оренбургская заводская конюшня была образована в 1890 году из завода князя Долгорукова, которая была открыта еще в 1877 году, в №1 ауле Буртинской волости Актюбинского уезда, в 40-45 верстах от г. Оренбурга. Под завод казахами было уступлено около 18 000 де-

сятин земли на 24 года с тем условием, чтобы с конца 1886 года на заводе было 900 лошадей, в том числе 270 маток. При осмотре завода военным губернатором Тургайской области 10 мая 1889 года было найдено всего 170 маток и 8 жеребцов, из них 5 старых и 3 молодых, не достигших трехлетнего возраста. Этот завод, за двенадцатилетний период своего существования, не имел ровно никакого влияния на улучшение казахской лошади, так как он существовал только на бумаге, на деле это была земледельческая ферма. В конце 1889 года завод князя Долгорукова перешел в ведение Министерства Государственных Имуществ, а в следующем году в ведение государственного коннозаводства (Добросмыслов, 1895: 159). Уже в 1891 и 1892 годах жеребцы этой конюшни раздавались казахам также в аулы, но в самом небольшом числе, так что в оба года покрыто ими казахских маток не более 100 – 200, и в 1894 – 551 (в действительности, вероятно, меньше, так как часть жеребцов в 1894 году была роздана казахам Уральской области), а всего в течение четырех лет около 600 – 700 (Добросмыслов, 1895: 163).

Казахи не были убеждены достаточно в том, что улучшенное потомство их лошади будет также выносливо и, следовательно, способно переносить все те невзгоды, какие она из года в год переживает в степях. Нередко богатые, влиятельные казахи-коневоды брали заводских жеребцов (по 1-2 жеребца) не для улучшения лошади, а ради того, чтобы угодить начальству (Добросмыслов, 1895: 167).

Еще к 1897 году, на момент исследования Тургайской области и печати труда, А.И. Добросмыслов утверждал, что казахи не производят улучшения своих стад крупного рогатого скота ни путем более или менее правильного подбора производителей, самцов и самок из среды своих же стад, ни путем скрещивания с другими породами, если не считать незначительные числа встречающихся случаев скрещивания крупного рогатого скота местной породы с калмыцкой. Казахи не преследовали при разведении этого вида животных заводчицкие цели (Добросмыслов, 1895: 213).

Тем не менее, спустя время, с приходом переселенческого населения и ростом оседлости, затем и дальнейшего развития земледелия возрос спрос на тяжеловозное животное, как крупный рогатый скот.

Переселенцы привели с собой скот калмыцкой породы, который смог приспособиться к новым условиям, в то время как серый степной

скот, выведенный из России, оказался несильно пригодным и при скрещивании с киргизским скотом давал отрицательные результаты (Обзор, 1913: 178).

К 1903 году впервые функционировавшим Тургайским сельскохозяйственным обществом на средства, собранные казахами Туз-Тюбинской волости, было куплено в Донской области 20 бычков калмыцкой породы и на свои средства 1 бык и 2 коровы для образования рассадника (Обзор, 1913: 179). Последний был открыт в 1-ой Буртинской волости Актюбинского уезда под наблюдением ветеринарного врача Е.П. Никольского. И только к 1910-1912 годам Областное правление включило в смету сумму в размере 2500 рублей в год для практической работы областного рассадника. А в 1911 году было положено начало организации агрономической помощи населению, в 1912 году в конце года по накоплению за три года земских средств в размере 7500 рублей, а равно на субсидию от Департамента Земледелия в размере 6500 рублей на устройство и содержание рассадника было дополнительно приобретено еще несколько голов скота. Вследствие был открыт в 15 верстах от г. Кустаная на казенном участке, охватывающем около 400 десятин, областной племенной рассадник крупного рогатого скота (Обзор, 1913: 179).

Одновременно с покупкой скота для рассадника было приобретено в Ставропольской губернии исключительно на средства Департамента Земледелия 29 бычков для случных пунктов, и на средства, собранные казахами Иргизского уезда, 8 телок для образования рассадника в г. Иргиз (Обзор, 1913: 179).

И к концу 1912 года начали функционировать областной рассадник племенного скота и свиней, рассадник племенного скота в г. Иргиз и 14 случных пунктов (Обзор, 1913: 179). При распределении случных пунктов по уездам принималась во внимание необходимость организации за ними надзора, в смысле правильного кормления и использования производителей, и потому, руководствуясь этими соображениями, 12 пунктов из 14 были переданы в ведение постоянных и командированных ветеринарных врачей (Обзор, 1913: 180). Также большинство пунктов находилось в селах и городах, в которых имелось большое количество скота.

Результаты деятельности пунктов в отчетном 1915 году оказались, как и следовало ожидать, небольшими. По сообщению ветеринаров, новизна дела, нежелание населения пользовать-

ся ручной случкой привели к тому, что быками пользовались мало, затраты же на обзаведение пунктов были сравнительно велики. Все это привело в агрономическом совещании к решению удешевить содержание пунктов путем раздачи быков в поселки на определенных условиях. В результате некоторые пункты под ветеринарным надзором в 1914 году были упразднены (Обзор, 1916: 161).

Содержание купленных быков, переданных в поселки, нередко оставляло желать лучшего, ибо быков плохо кормили, изнуряли случкой, находили быков тяжелыми (Обзор, 1916: 162), когда вторым казалось, что быки должны быть крупнее в виду купли в возрасте полутора лет (Обзор, 1914: 125), одним словом, население еще не научилось и не умело ни ценить производителей, ни пользоваться ими, что вело не только к затрате денег, но и к возможным разочарованиям.

Заключение

В конечном итоге, близкое знакомство царского управления с кочевым скотоводством стало столкновением разных пониманий и разных миров. Впоследствии эти отношения приняли колониальный характер, но не потому, что была определена цель колонизировать, общеимперская политика может стать колониальной в конкретном контексте, при применении к определенным условиям. И последующая потребность «улучшения» скота послужила оправданием бесчисленных имперских проектов. В первую очередь, потому что полностью не признавала ценности существующих практик. И старалась служить лишь в интересах правительства. Несмотря на то, что улучшенные породы скота также нуждались в «улучшенных» условиях содержания и эксплуатации, переходе на новые формы хозяйства.

Литература

- Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 уч. году. М. Фуко. Пер. с фр. В.Ю. Быстрова и др. СПб.: Наука, 2011.
- Бенькевич В.Я. Животноводство в Тургайской области и его экономическое и хозяйственное значение для населения. Оренбург: Электро-Тип.Тург.Обл.Управ, 1918.
- Витт В.О. Из истории русского коннозаводства. Создание новых пород лошадей на рубеже XVIII-XIX вв. Москва: Гос. Изд. Сел. Лит., 1952.
- Джантюрин С. “Очерки киргизского коневодства.” *Журнал коннозаводства*. №7 (1883). 1-43.
- Добросмыслов А.И. Ветеринарный надзор в Тургайской области. Оренбург: Типо-литогр. П. Жаринова, 1897.
- Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург: Тургайский Областной Статистический Комитет, 1895.
- Дятлова Н.П. “Отчеты губернаторов как исторический источник.” *Проблемы архивоведения и источниковедения*. Отв. редактор В.В. Бедин, 227-246. Ленинград: Наука, 1964.
- Кожевников А.Н. и Д.Я. Гуревич. Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. Москва: Агропромиздат, 1990.
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей Тургайская область. Кустанайский уезд. Т.V. Под ред. Ф. Щербина. Воронеж, 1903.
- Обзор Тургайской области за 1909 год. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1910.
- Обзор Тургайской области за 1912 год. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1913.
- Обзор Тургайской области за 1913. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1914.
- Обзор Тургайской области за 1915. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1916.
- Раздорский А.И. “Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи за 1870–1916 гг. как исторический источник.” *Journal of Modern Russian History and Historiography*. Volume 8, Issue no. 1 (2015): 35-80.
- Ferret C. “Des chevaux pour l’empire.” *Cahiers d’Asie centrale*, Volume 17, Issue no. 18 (2009): 211-253.
- McDaniel S. ‘Equine empire: horses and power on the Kazakh steppe, 1880s-1920s.’ PhD diss., Michigan State University, 2019.
- Mehos D.C. and S.M. Moon. “The Uses of Portability: Circulating Experts in the Technopolitics of Cold War and Decolonization.” In *Entangled Geographies: Empire and Technopolitics in the Global Cold War*, edited by G. Hecht, 42-74. Cambridge, Mass./London: MIT Press, 2011.
- Seitz J.B. ‘Science and the steppe: Agronomists, nomads, and the settler colony on the Kazakh steppe, 1881-1917’. PhD diss., Iowa State University, 2019.

References

- Bezopasnost', territoriia, naselenie. Kurs leksii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977-1978 uch. godu. M. Fuko [Security, territory, population. A course of lectures delivered at the College de France in 1977-1978. M. Foucault]. Per. s fr. V.Iu. Bystrova i dr. Spb.: Nauka, 2011.
- Ben'kevich V.Ia. Zhivotnovodstvo v Turgaiskoi oblasti i ego ekonomicheskoe i khoziaistvennoe znachenie dlia naseleniia [Animal husbandry in the Turgai region and its economic importance for the population]. Orenburg: Elektro-Tip.Turg.Obl.Uprav, 1918.
- Vitt V.O. Iz istorii russkogo konnozavodstva. Sozdanie novykh porod loshadei na rubezhe XVIII-XIX vv. [From the history of Russian horse breeding. Creation of new breeds of horses at the turn of the XVIII-XIX centuries]. Moskva: Gos. Izd. Sel. Lit., 1952.
- Dzhantiurin S. "Ocherki kirgizskogo konevodstva. [Essays on Kyrgyz horse breeding]" Zhurnal konnozavodstva. №7 (1883). 1-43.
- Dobrosmyslov A.I. Veterinarnyi nadzor v Turgaiskoi oblasti [Veterinary supervision in the Turgai region]. Orenburg: Tipolitogr. P. Zharinova, 1897.
- Dobrosmyslov A.I. Skotovodstvo v Turgaiskoi oblasti [Animal husbandry in the Turgai region]. Orenburg: Turgaiskii Oblastnoi Statisticheskii Komitet, 1895.
- Diatlova N.P. "Otchetny gubernatorov kak istoricheskii istochnik [Reports of governors as a historical source]." Problemy arkhivovedeniia i istochnikovedeniia. Otv. redaktor V.V. Bedin, 227-246. Leningrad: Nauka, 1964.
- Kozhevnikov A.N. i D.Ia. Gurevich. Otechestvennoe konevodstvo: istoriia, sovremennost', problemy [Domestic horse breeding: history, modernity, problems]. Moskva: Agropromizdat, 1990.
- Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniiu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniiu stepnykh oblastei Turgaiskaia oblast'. Kustanaiskii uезд. T.V. [Materials on Kirghiz land use, collected and developed by the expedition to explore the steppe regions of the Turgai region. Kustanai district]. Pod red. F. Shcherbina. Voronezh, 1903.
- Obzor Turgaiskoi oblasti za 1909 god [Overview of the Turgai region for 1909]. Orenburg: tip. B. Breslina, 1910.
- Obzor Turgaiskoi oblasti za 1912 god [Overview of the Turgai region for 1912]. Orenburg: tip. B. Breslina, 1913.
- Obzor Turgaiskoi oblasti za 1913 [Overview of the Turgai region for 1913]. Orenburg: Tip. B. Breslina, 1914.
- Obzor Turgaiskoi oblasti za 1915 [Overview of the Turgai region for 1915]. Orenburg: Tip. B. Breslina, 1916.
- Razdorskii A.I. "Obzory gubernii, oblastei i gradonachal'stv Rossiiskoi imperii za 1870-1916 gg. kak istoricheskii istochnik [Reviews of the provinces, regions and townships of the Russian Empire for 1870-1916 as a historical source]." Journal of Modern Russian History and Historiography. Volume 8, Issue no. 1 (2015): 35-80.
- Ferret C. "Des chevaux pour l'empire." *Cahiers d'Asie centrale*, Volume 17, Issue no. 18 (2009): 211-253.
- McDaniel S. 'Equine empire: horses and power on the Kazakh steppe, 1880s-1920s.' PhD diss., Michigan State University, 2019.
- Mehos D.C. and S.M. Moon. "The Uses of Portability: Circulating Experts in the Technopolitics of Cold War and Decolonization." In *Entangled Geographies: Empire and Technopolitics in the Global Cold War*, edited by G. Hecht, 42-74. Cambridge, Mass./London: MIT Press, 2011.
- Seitz J.B. 'Science and the steppe: Agronomists, nomads, and the settler colony on the Kazakh steppe, 1881-1917'. PhD diss., Iowa State University, 2019.